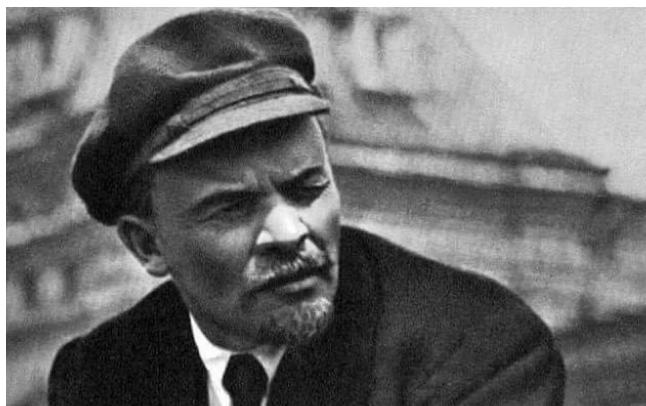

Бывшие рядовые первой роты Кремлевского полка рассказывают об особенностях несения караульной службы возле тела вождя мирового пролетариата Владимира Ульянова.

Олег Тетерь, судья олимпийской категории по дзюдо

Попасть в Кремлевский полк — это еще не фокус. Вот в первую роту попадает всего сто человек — это как раз те, кто охраняет Мавзолей. Помню, нас, еще совсем зеленых, первый раз туда привели. Мы спустились. Возникла в темноте какая-то глыба. Я понял, что эта глыба — Ленин. Офицер нам тогда сказал, что дороже, чем саркофаг с телом Ленина и здания Мавзолея, в нашей стране ничего нет.

Через месяц-другой Мавзолей был уже наш. Мы знали там все вдоль и поперек. Интересных случаев была масса. Воробьи на нас садились — они ведь не знали, что мы живые. Бывало, ребята сознание теряли. Это случалось даже не из-за перегрузок, а из-за главного врага первопопостников — поливальной машины. Она пыль водой прибывает, и, как после дождя, остается чистый озон. А у тебя организм ослаблен, к концу часа кровь вся в сапоги стекла. Тут глоток свежего воздуха, и тебя ведет так, что теряешь ощущение пространства. Когда человек начинает сползать, второй часовой быстро подходит к нему и убирает карабин, чтобы тот не зарезался штыком.

А один раз был случай. 4–6 часов утра. В Спасском проходе ночью всегда натягивали железный трос, чтобы машины не проезжали. Вдруг в этом проходе выключили свет, и смена, подойдя к нему, полегла. Зацепились за трос и упали — все! Караульные в белых перчатках, с аксельбантами, при полном параде, впотьмах ползали, искали карабины. А время-то шло... В общем, из Спасского прохода эта горемычная смена выбежала, вместо того, чтобы идти строевым шагом. Аксельбанты оторваны, перчатки грязные, кашне повылезали. Уже под бой курантов караульные все-таки встали на пост.

Автор: Vasilij Sumatra

05.12.2019 23:56 - Обновлено 11.12.2019 01:59

Вообще, об этом спокойно нельзя говорить. Вот ты выходишь. Площадь забита людьми, и кажется, они смотрят только на тебя. Обычно под первый перезвон курантов караульные поднимают ногу, на второй они уже должны идти. Но мы держали ноги поднятыми до последнего, двенадцатого удара. Толпа в это время бесновалась, все с ума сходили. Браво кричали. Представляете, вы простой солдат, а вам браво кричат. Чувства непередаваемые. Бывало, под ноги солдатам бросали цветы. Стоит очаровательная девушка, которая тебя вообще не знает. Она увидела тебя, и от восторга бросает цветы. А ты по ним просто идешь.

В первый приезд Ширака в Москву в качестве премьер-министра как раз наша смена была. Тогда включили два зенитных прожектора и нас полностью ослепили. Пришлось сходить с Мавзолея втемную, мы не видели, куда идем вообще. Как-то по памяти сошли.

Игорь Плотников, адвокат

Мыслей во время поста всегда был рой. О жизни на гражданке думал, о доме. Но помечтать особо не удавалось. Все-таки специфика этой службы в том, что ты должен стоять абсолютно неподвижно на таком ответственном посту, да еще и следить за ситуацией. Если что-то непредвиденное возникало, нужно было постучать шомполом, и из Мавзолея выходил офицер.

Фуражки у нас были на леске, чтобы ветром не сдуло. Как-то раз, когда после смены уходили с поста, со спины дунул такой сильный ветер, что моя фуражка все же слетела и покатила. Разводящему пришлось бегать за ней и потом на ходу мне ее

нахлобучивать. А мы, естественно, как ни в чем не бывало продолжали идти.

Летом, когда жарко, а на тебе все по полной программе — китель, мундир, сапоги... Когда пот уже глаза заливает, стучишь пальцем по шомполу, выходит офицер с платочком и протирает тебе лицо. Один раз, когда меня, как статую, протирали, мимо проходил ребенок с бабушкой и с таким удивлением говорит: «Бабуль, а они живые?» Наверное, когда со стороны смотришь, действительно кажется, что солдат из воска сделан.

Еще летом комары невозможно кусались. Стоишь на посту, и ведь не отмахнешься. Приходилось их как-то отдувать. Больше всего кусали шею.

А зимой, в сильные морозы, нам давали валенки или медвежьи унты и большие рукавицы. Лицо мы мазали каким-то специальным жиром, чтобы не отморозить. Иначе без носа придешь. Потом стоишь на первом посту, красивый такой, блестяшь... Но это только ночью, когда народу никого нет.

Иногда немножко хулиганили. Карабином, например, крутили. Это было не по уставу. Сейчас официально разрешили, а раньше за то, что крутил карабином, можно было на сутки в наряд попасть.

Во время службы первый пост был для нас своего рода отдушиной. Все-таки улица, люди... С ними не общались, но чувствовали их присутствие. Мне, кстати, сны до сих пор снятся, что я на посту стою.

Владислав Дудаков, президент сети «Кофе Хауз»

Это только со стороны кажется, что часовые целый час стоят молча и совершенно неподвижно. Можно пошевелить пальцами в сапогах, левой рукой пошевелить, ее ведь фактически не видно. Еще мы уголком рта разговаривали друг с другом. Однажды не выдержали — рассмеялись. А так вообще спать очень хотелось всегда.

Автор: Vasily Sumatra

05.12.2019 23:56 - Обновлено 11.12.2019 01:59

В Кремлевском полку все очень строго. Ногу выше положенного поднял — правонарушение. А мы не любили ходить с низким подъемом, считали, что это некрасиво. Ноги поднимали на 90 градусов и даже выше — иногда, когда в конце поста сходили с Мавзолея, до уровня лица человека. Люди стоят, смотрят по сторонам, и вдруг у них перед носом — раз! — три каблука. Вся толпа по инерции назад отступала. А высшим пилотажем у нас считалось так опустить карабины, чтобы стук получился на всю площадь. Причем не тройной, а обязательно синхронный.

Караул у Мавзолея — это для нас было почти как увольнение. Можно было увидеть людей живых. Во время постов, а их у меня за два года было восемьдесят, я по несколько раз в голове провернул все, что было в моей жизни до армии. Мамины пельмени вспоминал, бабушкины пироги. Всякие случаи из жизни: как с дедом крышу крыли, как с друзьями на мотоциклах катались... Еще думал о том, что когда служба закончится, начнется свобода, я женюсь на Марине. Я, кстати, с женой своей будущей там познакомился. Она часто приходила посмотреть на меня, когда я стоял на посту. Специально вставала так, чтобы я тоже ее мог видеть, и мы молча смотрели друг на друга, совсем как в фильме. Мы с Мариной встретились на втором году моей службы, и конечно, с тех пор все мои мысли на посту были только о ней.

Пару лет назад, в мой день рождения, мы с одним моим другом-сослуживцем пошли ночью на Красную площадь и начали там ходить. У нас, кстати, здорово получилось — четко, синхронно. Все это где-то в нас записалось, так и осталось навсегда.

Александр Кучми, бизнесмен

До службы в армии я видел Ленина только на картинках. Поэтому одним из самых волнительных моментов было первое посещение Мавзолея. Я действительно очень волновался. С каждым шагом осознавал, что приближаюсь к тому самому Ленину, о котором столько читал, столько слышал. И когда я его наконец-то увидел, то немного удивился. По мне, так он должен был быть по крайней мере раза в два побольше. Я-то думал, что вождь обязательно должен быть богатырем.

Внешне кажется, что караульные стоят неподвижно. На самом деле они все же немного двигаются, шевелят пальцами. Нужно, чтобы кровь бегала по жилам, потому что напряжение мышц может привести к судороге. Но тогда это для меня было не особо важно. Я был готов отстоять и два, и три часа.

Автор: Vasilij Sumatra

05.12.2019 23:56 - Обновлено 11.12.2019 01:59

Иногда нам все же приходилось срывать с поста. Это было позволено только в случае непредвиденных ситуаций. Например, весной 1990-го была попытка поджечь Мавзолей. Душевнобольной мужчина пронес в сумке какую-то жидкость и бросил в сторону центрального входа. Часовые мужчину этого задержали, пришлось поработать прикладом. В конце восьмидесятых в Москве активно действовала националистическая группировка «Память», и был случай, когда кто-то выбежал за цепочку, добежал до памятников, которые находятся за Мавзолеем, и монтировкой сбил Сталину нос. Его потом долго восстанавливали. А еще мы стояли в цепочке у Мавзолея, когда на параде 7 ноября (1990 года — Esquire) было покушение на Горбачева.

Были, конечно, и приятные моменты. Как-то раз на мой день рождения в Москву приехала вся моя семья. В тот день я как раз стоял на посту у Мавзолея, и мои родители, брат и сестра пришли на меня посмотреть. Получился очень трогательный момент. Хоть мы и смотрели друг на друга молча, я чувствовал, как все мной гордятся. Помните рекламу, там часовой стоял, а ему кричали: «Коля, помаши ручкой маме!» Если бы кто-нибудь из нас помахал вот так ручкой, он отправился бы служить в стройбат где-нибудь за Уралом или на Дальнем Востоке.

Можно сказать, что я был последним из могикан. Я уволился в запас в июне 1991-го, а в августе уже не стало Советского Союза.